

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-67-80

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ К МИГРАНТАМ В РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В 2010-2016 ГГ.: ПО ДАННЫМ КРОСС-СТРАНОВЫХ ОПРОСОВ

Андрей Щербак

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)–Санкт-Петербург*

Никита Тряпкин

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)–Санкт-Петербург*

Аннотация

Данное исследование посвящено рассмотрению и анализу изменения отношения местного населения к мигрантам в России и Восточной Европе (Чехии и Венгрии) с 2010 по 2016 гг. Европейские страны столкнулись с кризисом беженцев в 2015 г., в то время как Россия приняла множество «вынужденных переселенцев» с Восточной Украины в 2014 г. Эти обстоятельства не могли не повлиять на изменение отношения к мигрантам, несмотря на то, что в России правительство стало жестко пресекать деятельность антимигрантских политических организаций. Кроме того, данная научная статья рассматривает, какие факторы влияли на формирование того или иного восприятия. В качестве метода был использован эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, который проводился на основе данных Европейского социального исследования за 2010–2016 гг. В результате оказалось, что местное население стало более негативно воспринимать мигрантов. На формирование того или иного отношения влияют как экономические, так и неэкономические факторы. С помощью конфирматорного факторного анализа было выяснено, что Россию, Венгрию и Чехию можно рассматривать в качестве одного большого макрорегиона, где происходят схожие процессы.

Ключевые слова: миграции; Россия; Восточная Европа; факторный анализ; Европейское социальное исследование.

Введение

Проблема международной миграции является одним из самых обсуждаемых политических вызовов европейским обществам. Резко увеличившийся приток мигрантов в результате миграционного кризиса как одно из последствий событий «арабской весны» усилил мигрантофобские и ксенофобские настроения в Европе, став одним из факторов роста популярности правых популистских партий (Marx & Naumann, 2018). В России украинский кризис 2014 г. обернулся притоком вынужденных переселенцев с Восточной Украины. Понимание сложности проблемы миграции требует изучения отношения общества к проблеме миграции.

В литературе существует несколько точек зрения на отношение местного населения к мигрантам. С 1950-х гг. появляются фундаментальные теоретические работы на эту тему, например, работы Гордона Альпорта 1954 г. и Герберта Блумера 1958 г. (Seobanu & Escandell, 2010: 316-318). Международная миграция, представляемая как составная часть глобализации, воспринималась как реализация права на свободу передвижения, обмен культур, технологий и талантов. Это оказывает положительное влияние на рост мировой экономики, взаимное обогащение культур и др. (Damelang & Naas, 2012: 365–367). С этой точки зрения, стоит ожидать роста терпимости принимающих обществ к мигрантам.

С другой стороны, массовая миграция способна приводить и к негативным последствиям, дестабилизируя политические, социально-экономические институты принимающей страны (Popontgenkov, 2017). Логично предположить, что одним из проявлений такого рода кризисов является рост недовольства массовой миграцией. В качестве причин выделяются как экономические, так и полити-

ческие, и культурные объяснения, которые включают вопросы идентичности, разницы в культурных и ценностных установках по целому ряду вопросов (Hagendoorn, 1993).

Географически близкие России страны Восточной Европы (ВЕ) оказались частично задеты потоком беженцев, который вызвал у них бурную дискуссию, по результатам которой многие страны ВЕ наотрез отказались предоставлять беженцам убежище. В данном исследовании мы хотим сравнить отношения к мигрантам в трех странах – России, Венгрии и Чехии. Основной вопрос данного исследования – *как менялось отношение к мигрантам в России и ряде стран ВЕ (Чехии и Венгрии) с 2010 по 2016 год?* Нас интересует как динамика этих отношений до и после кризиса, так и структура этого отношения, из каких элементов оно состоит. Эмпирической базой работы являются данные кросс-страновых опросов Европейского социального исследования (European Social Survey/ESS). Опрос проводился во всех выбранных странах с 2010 по 2016 гг., с периодичностью каждые два года (волны 5, 6, 7 и 8). Выбранный нами метод – эксплораторный и конфирматорный факторный анализ.

Структура работы выглядит следующим образом. В первой части мы рассказываем о теоретической рамке исследования. Второй раздел посвящен краткому обзору миграционной политики выбранных трех стран. Третья часть представляет собой эмпирический анализ отношений к мигрантам по странам и раундам опроса. В заключении мы вписываем полученные результаты в более широкий контекст политики ВЕ.

Что влияет на отношение местного населения к мигрантам?

В литературе выделяется четыре группы факторов, определяющих отношение местного населения к мигрантам: 1) экономические, 2) социально-культурные, 3) миграционная политика, 4) количество мигрантов.

Влияние экономических факторов на отношение к мигрантам. Каким образом экономические причины влияют на отношение местного населения по отношению к мигрантам? По сути, большинство объяснений сводится к борьбе за ограниченные ресурсы между местным населением и мигрантами (Mayda, 2006). В каких сферах происходит вышеуказанная конкуренция? Во-первых, это рынок труда. При увеличении числа мигрантов, въехавших в страну, возрастет уровень конкуренции в определенных секторах этого рынка: рабочие места вполне могут быть заняты мигрантами, а не местными работниками (Naumann et al., 2018). Конкуренция на рынке труда и уровень образования связаны между собой: если гражданин определенной страны имеет высокий уровень образования, тем он позитивнее относится к мигрантам, так как в большинстве случаев мигранты не составляют серьезной конкуренции для человека с хорошим образованием (Mayda, 2006).

Во-вторых, это конкуренция между местными жителями и мигрантами за различные субсидии, дотации и другие выплаты, которые предоставляет государство (Mayda, 2006). В-третьих, это вопрос налогов, из которых оплачивается поддержка мигрантов. Граждане начинают относиться негативно к новоприбывшим людям из-за того, что те, по сути, живут на различные социальные пособия, формирующиеся из денег в виде налогов, которые заплатили граждане (Naumann et al., 2018).

Влияние социально-культурных факторов на отношение к мигрантам. Важность социально-культурных факторов обусловлена тем, что мигранты привозят с собой свои традиции, культуру и национальные особенности, присущие только им. Этнокультурные различия способны вызывать страх у населения и формировать негативное отношение к представителям другой среды (Hagendoorn, 1993). Какие это факторы?

Во-первых, это вопросы идентичности, или размежевания на «своих» и «чужих». Мигранты часто воспринимаются как «чужие», поэтому и возникает негативное отношение к ним. Во-вторых, исследования в социальной психологии указывают на наличие в обществах устойчивых этносоциальных иерархий. Отмечается, что в любом обществе, где присутствует несколько этнических групп, можно увидеть определенную иерархию этносов, которая сформирована по шкале от наиболее привлекательной для взаимодействия до наиболее отчуждаемой или избегаемой. Место этнической группы на данной шкале зависит от стереотипов и предубеждений, существующих о ней в обществе (Snellman & Ekehammar, 2005). В-третьих, у принимающих стран могут быть разные виды культурной адаптации прибывших мигрантов. С одной стороны, может быть принята установка на сохранение этнокультурного разнообразия. Однако такой подход способен вызвать негативное отношение местного населения, которым может быть чужда культура мигрантов. С другой стороны, иным решением может стать культурная ассимиляция: мигранты должны отказаться от своего культурного бэкграунда, а также принять традиции и обычаи принимающего общества (Bourhis et al., 1997).

Влияние проводимой политики на отношение к мигрантам. У государства в сфере миграции существует две альтернативы. С одной стороны, государство может поощрять приезд мигрантов: программы репатриации, привлечения высококвалифицированных специалистов, или просто трудовых мигрантов. С другой стороны, государство может осуществлять политику воспрепятствования притоку мигрантов. В качестве антимиграционных мер принимается более строгое законодательство, сокращается государственная поддержка в виде субсидий для этой социальной группы (Song, 2018).

Важным является то, что социальная по сути проблема миграции политизируется через различные информационные каналы, что часто и вызывает антииммигрантские настроения в обществе (Massey, 1999: 312–314). Политические партии, наряду с политиками, также играют большую роль в формировании определенного отношения к мигрантам. Праворадикальные партии способны заметно влиять на уровень антииммигрантских настроений в обществе. Подобные организации формируют страх и ненависть у населения к мигрантам, говоря об их вреде для принимающего сообщества. Обычно эти партии выступают за сохранение гомогенности общества и национальных ценностей. Также отмечается, что с учетом роста количества приезжающих мигрантов главным посылом современных радикальных партий является реализация антииммигрантской политики (Rydgren, 2007).

Влияние количества мигрантов на отношение к ним местного населения. Влияние количества мигрантов на отношение к ним в принимающем обществе обычно описываются двумя соперничающими теориями. Это «теория групповой угрозы», автором которой можно считать Герберта Блумера, и «теория контакта» Гордона Оллпорта (Ceobanu & Escandell, 2010: 317–318).

Основной тезис «теории групповой угрозы» о том, что определённое отношение к чужой этнической группе формируется не на уровне отдельных индивидов, а на уровне группы, с которой идентифицирует себя человек (Blumer, 1958). При предположении, что разные этнические группы ведут между собой борьбу за различные ресурсы, можно выдвинуть аргумент, что с изменением баланса между этническими группами меняется и распределение ресурсов. То есть чем больше мигрантов, тем больше ресурсов им может перепасть. Данная теория работает в случае стран ЕС: уровень воспринимаемой угрозы населением был выше в странах, где наблюдался высокий процент мигрантов (Schneider, 2008).

В то же самое время теория контакта подразумевает, что при частом взаимодействии с представителями этнических меньшинств в повседневной жизни отрицательные стереотипы и предрассудки исчезают, и отношение к этническим меньшинствам становится положительным (Pettigrew & Tropp, 2008).

Проблема миграции в России, Венгрии и Чехии: законодательство, повестка дня и политические акторы

Россия

Россия является одним из лидеров среди стран по приему мигрантов, среди которых лидируют выходцы из бывших союзных республик. По большей части основными мотивами для переезда в Россию с других стран носит экономический характер; российское население воспринимает работающих мигрантов как угрозу для их экономической деятельности (Grigoryan, 2016).

В 2010 г. российские власти стали постепенно ужесточать миграционную политику. С одной стороны, открыто декларировалась цель привлечения в Россию высококвалифицированных мигрантов и соотечественников. С другой стороны, ФМС приняла ряд мер по ужесточению контроля над мигрантами. В качестве примера можно вспомнить закон, по которому мигрантов обязали сдавать экзамен по русскому языку.

2014 г. стал переломным в миграционной политике России. Конфликт на юго-востоке Украины стал одной из главных причин прибытия в страну большого количества беженцев. С 2014 до конца 2015 г. Россия приняла большое количество законов, которые давали множество различных преференций и помощи беженцам из Украины. Таким образом, миграционную политику России с 2010 г. можно разделить на до (ужесточение) и после (смягчение) украинских событий. При анализе политических организаций, выступающих с антииммигрантскими идеями, стоит отметить, что на данный момент в России их деятельность предельно ограничена. Ярким примером может являться случай ДПНИ (Движение против нелегальной миграции): в свое время известной своими митингами (в том числе организатор «Русских маршей», пикетами, публичными выступлениями с антииммигрантской повесткой). ДПНИ было запрещено в 2011 г.; попытка преобразоваться в политическое движение «Русские» успеха не принесла: созданное в 2011 г., оно было запрещено в 2015 г. Говорить об электро-

ральной активности правых партий с антимиграционной риторикой особо не приходится по причине их недопуска в «большую политику» (Verkhovsky, 2016).

После событий 2014 г. на Украине политический курс Кремля сместился с борьбы против мигрантов на антизападную риторику. Как следствие, на нелояльные власти националистические организации стали оказывать давление и запрещать. В это же время провластные правые движения не трогали, а только поддерживали и поощряли их деятельность по распространению новой риторики против новых врагов (Laine, 2015).

Венгрия

Венгрия – небольшая и этнически гомогенная страна в Центральной Европе. До 2015–2016 гг. приток мигрантов в Венгрию был мал. Кризис на Ближнем Востоке привел к всплеску миграции из преимущественно мусульманских стран в Европу. Венгерское общество стало воспринимать беженцев-мусульман как угрозу для идентичности и государства: до кризиса негативное отношение местного населения к мигрантам варьировалось около 11%: в 2014 г. данные опросов уже показали, что больше 50% населения отрицательно воспринимают мигрантов-мусульман (Pickel, 2019).

Определенный вклад в такое восприятие внесли различные политические силы, которые начали зарожать чувство страха по отношению к мигрантам. Отмечалось, что во время миграционного кризиса практически всё медиа пространство Венгрии было занято различного рода информацией о негативном влиянии на общество мигрантов (Szalai & Göbl, 2015).

В 2010 г. к власти в Венгрии пришли правые партии, получив примерно 2/3 мест в парламенте, что позволило принять концепцию формирования нации по этническому признаку. Это повлияло на формирование довольно жесткой политики в отношении миграции. Например, из поправок, принятых в 2010 г., следует, что лица, которые ищут убежище, подвергаются задержанию, пока их дела не будут рассмотрены. Причем под арестом они могут находиться до 12 месяцев (Juhász et al., 2015). Летом 2015 г. власти приняли поправки к закону, по которому правительство могло сформировать список стран, которые, по их мнению, являются безопасными территориями, что облегчает процедуру выдворения с территории самой Венгрии беженцев. В это же время парламент Венгрии одобрил план возведения забора на границе с Сербией, откуда прибывала большая часть беженцев (Juhász et al., 2015).

За рассматриваемый промежуток времени (2010–2016 гг.) в Венгрии два раза проводились парламентские выборы – в 2010 и 2014 гг. В 2010 г. правые партии «Фидес» и «KDNP» смогли получить 263 из 386 мест в парламенте; праворадикальная партия «Йоббик» – 47 мест, что дает представителям правых сил 310 (или 80%) мест. В 2014 г. прошли еще одни парламентские выборы. На них «Фидес» и «KDNP» получили 133 из 199 мест в парламенте (с 2014 г. парламент начал состоять из 199 депутатов вместо 386), партия «Йоббик» – 23 места, что дает представителям правых сил 156 мест в парламенте (или 78% мест). Таким образом, в период с 2010 по 2016 г. там сложилась «удачная» ситуация для осуществления антииммигрантского политического курса.

Чехия

Чехия – это тоже этнически гомогенная страна, где отношение к мигрантам с другой культурой является отрицательным. Приезжие мусульмане воспринимаются как угроза для доминирующей группы; политические элиты используют антииммигрантскую риторику, которая откладывается в головах граждан. Политические акторы и СМИ принимали активное участие в формировании негативного восприятия мигрантов гражданами Чехии. Сильную народную поддержку также получили различные движения, выступающие против мусульманской культуры и её представителей в Чехии (Culik, 2017).

Главной причиной начала проведения антимиграционной политики в Чехии являлся экономический кризис 2008 г. Весь курс сводился к тому, чтобы защитить своих граждан на рынке труда, часто за счет мигрантов. В итоге многие мигранты из третьих стран потеряли свою работу и вынуждены были уехать с территории Чехии – из-за введенных визовых и языковых ограничений (Kušniřáková, 2014).

До миграционного кризиса в программах большинства политических партий внимание проблемам миграции не уделялось. Однако, с наступлением кризиса, многие политики-акторы начали в своих речах и программах акцентировать внимание на то, что мигранты являются угрозой для Чехии (Culik, 2017). Ужесточились требования к трудовым мигрантам: вводились «карточки работника», которые существенно усложняли мобильность мигрантов внутри Чехии (Brozova et al., 2018: 3–4).

Стоит отметить, что только партия «Рассвет прямой демократии», лидером которой был Томио Окамура, до миграционного кризиса выступала против мигрантов. Позже партия распалась на две части из-за внутренних разногласий. Согласно данным по выборам 2013 г., за партию «Рассвет» проголосовали 6,9%. Это, в свою очередь, равнялось 14 местам в парламенте Чехии. В 2017 г. новая партия Томио Окамуры (Свобода и прямая демократия) смогла получить уже 22 места.

Сравнение трех стран показывает, что Венгрия и Чехия очень схожи в период между 2014 и 2016 гг.: преобладает политика, направленная против мигрантов. Многие политики открыто высказываются о нетерпимости к мигрантам, принимаются антимиграционные законы. Россия стоит особняком от Венгрии и Чехии. Главной проблемой всё-таки считается влияние мигрантов на рынок труда и экономику. Культурный фактор также существует, но, в целом, он выражен в виде негативного отношения к мигрантам с Кавказа и Центральной Азии. Немаловажно, что российские правые партии и движения крайне слабы, в то время как в Чехии и Венгрии такие организации и партии находятся у власти.

Отношение к мигрантам в России, Чехии и Венгрии: факторный анализ

В этой части, на основании факторного анализа кросс-странового опроса ESS мы рассмотрим, как местное население воспринимает мигрантов в трех странах. Используя данные опросов, мы создадим и проверим модель отношения респондентов к мигрантам; для этой цели мы используем эксплоративный факторный анализ (EFA). Далее мы проследим изменение оценок факторов по всем странам, волнам опроса, сравнивая их между собой; для этой цели мы используем конфирматорный факторный анализ (CFA), с тестированием скалярной измерительной инвариантности.

Эксплораторный факторный анализ

Данный вид анализа – EFA – позволит нам свести отдельные переменные в комплексную модель, выявляющую уже факторы отношения к мигрантам. Для проведения EFA используется база данных ESS за 5-, 6-, 7- и 8-е волны. Информация по самим переменным бралась также с сайта ESS из Codebook за 2010, 2012, 2014 и 2016 гг. Каждая волна включает почти 2 500 респондентов в случае России, не менее 1 600 респондентов в случае Венгрии и около 2 100 – в случае Чехии. Мы отобрали следующие переменные:

- 1) *позволять ли въезжать мигрантам других наций* – **imdfetn** (1-позволять многим, 4-никому не разрешать);
- 2) *позволять ли въезжать мигрантам, принадлежащим к этнической группе большинства принимающей страны* – **imsmetn** (1-позволять многим, 4-никому не разрешать);
- 3) *позволять ли въезжать мигрантам из бедных неевропейских стран* – **impcntr** (1-позволять многим, 4-никому не разрешать);
- 4) *отношение к влиянию мигрантов на экономику* – **imbgeco** (0-плохо для экономики, 10-хорошо для экономики);
- 5) *отношение к влиянию мигрантов на культуру* – **imueclt** (0-разрушают культуру, 10-обогащают культуру);
- 6) *отношение к влиянию мигрантов на государство как место для жизни* – **imwbent** (0 – становится хуже, 10-становится лучше);
- 7) *важно ли понимать других людей* – **ipudrst** (1 – очень похоже на меня, 6 – вовсе не похоже на меня);
- 8) *важно ли жить в безопасности* – **impsafe** (1 – очень похоже на меня, 6 – вовсе не похоже на меня);
- 9) *важно ли, чтобы люди имели равные возможности* – **ipeqopt** (1 – очень похоже на меня, 6 – вовсе не похоже на меня).

Мы предполагаем, что переменные будут сформированы в 3 фактора. Такое соображение основано на том, что вышеперечисленные переменные разделены тематически между собой.

Далее представлены результаты EFA по 3 странам, по 4 волны опроса в каждой. Все расчёты были сделаны с использованием программы R.

Россия. Для анализа мы взяли 3 фактора. Результаты EFA, с разбивкой по волнам, представлены в табл. 1.

ЕФА отношения к мигрантам, Россия, 2010–2016 гг.

Фактор	Переменные	2010	2012	2014	2016
1	Imbgeco	0,71	0,71	0,72	0,67
	Imueclt	0,82	0,79	0,78	0,77
	Imwbcnt	0,83	0,86	0,82	0,82
2	Imdfetn	0,95	0,92	0,90	0,90
	Imsmetn	0,53	0,57	0,65	0,66
	Impcntr	0,70	0,72	0,72	0,67
3	Impsafe	0,60	0,50	0,54	0,52
	Ipeqopt	0,68	0,64	0,58	0,53
	Ipuodrst	0,45	0,68	0,65	0,62
	<i>Cumulative variance</i>	<i>0,57</i>	<i>0,57</i>	<i>0,55</i>	<i>0,54</i>

Примечания: значения в ячейках – факторные нагрузки.

Как можно увидеть, все переменные были сформированы в 3 фактора, которые покрывают 57% общей дисперсии.

Первый и самый сильный фактор сформирован из переменных, которые демонстрируют то, как люди воспринимают влияние мигрантов на разные сферы. Как следствие, этот фактор можно назвать как *отношение к влиянию мигрантов*. Наиболее значимой в этой группе является переменная (imwbcnt), которая показывает отношение местного населения к влиянию мигрантов на принимающую страну как место для жизни. Чуть меньший вес имеет показатель, связанный с воздействием на культуру (imueclt). Последнее место в данном факторе занимает отношение населения к влиянию мигрантов на экономику страны (imbgeco). Из этого можно сделать вывод о том, что наиболее важное значение в формировании того или иного отношения имеет влияние мигрантов на страну. Влияние на культуру оказывается очень близким по значению с главной переменной.

Во второй фактор входят переменные, которые говорят об *отношении к въезду мигрантов*. Самый значимый – показатель, демонстрирующий позицию населения к прибытию этнически отличных от большинства принимающей страны мигрантов (imdfetn). Это имеет определяющее значение для прочих переменных из этой группы. Далее идет отношение к прибытию мигрантов из бедных неевропейских стран (impcntr), а последнее место занимает восприятие приезда в страну мигрантов-соотечественников со схожей культурой большинства принимающей страны (imsmetn). В российском контексте это, скорее всего, относится к русским из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Третий фактор включает в себя переменные, *показывающие индивидуальные ценности*, среди которых наибольший вклад вносят переменные, про равенство возможностей (ipeqopt) (но только в 2010 г.) и показатель, относящийся к важности такой личностной черты, как понимание других людей (ipudrst) (в 2012, 2014 и 2016 гг.). Чуть меньшее значение имеет переменная, которая спрашивает о том, важно ли жить опрашиваемому в безопасном месте (impsafe). В целом этот фактор менее важен. Объясненная дисперсия для всех волн почти не отличается: 57% в 2010 и 2012 гг., 55% – в 2014 и 54% – в 2016 г.

Таким образом, если подводить итог по России, то стоит подчеркнуть, что определяющее значение в формировании у местного населения определенного отношения к мигрантам имеет воспринимаемое влияние последних на государство и культуру.

Венгрия. В случае Венгрии мы также смогли взять 3 фактора для дальнейшего анализа.

ЕФА отношения к мигрантам, Венгрия, 2010–2016 гг.

Фактор	Переменные	2010	2012	2014	2016
1	Imbgeco	0,74	0,78	0,77	0,79
	Imueclt	0,63	0,67	0,73	0,79
	Imwbcnt	0,82	0,82	0,78	0,80
2	Imdfetn	0,87	0,90	0,86	0,94
	Imsmetn	0,48	0,56	0,53	0,42
	Impcntr	0,70	0,72	0,63	0,49
3	Impsafe	0,53	0,57	0,57	0,68
	Ipeqopt	0,55	0,74	0,71	0,61
	Ipuorst	0,55	0,46		0,52
	<i>Cumulative variance</i>	<i>0,50</i>	<i>0,57</i>	<i>0,51</i>	<i>0,53</i>

Примечания: значения в ячейках – факторные нагрузки.

Если говорить о содержании трех факторов, то оно такое же, как и было с кейсом России, т. е. первый включает переменные, которые показывают *восприятие влияния мигрантов на различные сферы*. Как и в случае России, наибольшее значение в первом факторе имеет переменная, отвечающая за восприятие местным населением влияния мигрантов на страну (imwbcnt). В отличие от России, в первом факторе значение, показывающее отношение венгров к влиянию мигрантов на экономику страны (imbgeco), обычно больше, чем к воздействию приезжих на культуру (imueclt). Таким образом, данные по Венгрии показывают, что влияние мигрантов на экономику более значимо в процессе формирования отношения по сравнению с культурной составляющей.

Второй фактор сформирован из переменных, которые демонстрируют *отношение людей к прибытию разного рода мигрантов*. Большее значение имеет переменная, говорящая об отношении к приезду этнически отличных мигрантов (imdfetn). Меньшее значение имеют и переменная, описывающая мнения людей по поводу разрешения на въезд этнически схожих мигрантов (imsmetn), и переменная об отношении к прибытию мигрантов из бедных неевропейских стран (impcntr).

Третий фактор состоит из переменных, описывающих *индивидуальные ценностные ориентиры*. Значения всех трех переменных примерно равны в 2010 г., но далее наблюдаются значительные скачки и расхождения. С 2012 г. растет важность отношения к равенству возможностей (ipeqopt) и важность проживания в безопасном месте (impsafe). Третья переменная – важность понимания других людей (ipudrst) – наоборот, теряет свою силу, а в волне 2012 г. – оказывается незначимой.

Иными словами, из данных за 2010 и 2012 гг. следует, что определяющее значение в формировании отношения к мигрантам имело влияние приезжих на экономику и государство в целом, но данные за 2014 и 2016 гг. демонстрируют постепенное увеличение значений переменной о восприятии влияния мигрантов на культурную сферу. Это соотносится с началом информационной кампании о негативном влиянии мигрантов на культуру в Венгрии.

Чехия. Результаты ЕФА, выявившего также 3 фактора, по всем 4 волнам представлены в табл. 3.

ЕФА отношения к мигрантам, Чехия, 2010–2016 гг.

Фактор	Переменные	2010	2012	2014	2016
1	Imbgeco	0,72	0,78	0,68	0,62
	Imueclt	0,81	0,78	0,80	0,86
	Imwbcnt	0,70	0,79	0,69	0,75
2	Imdfetn	0,84	0,87	0,81	0,84
	Imsmetn	0,72	0,73	0,69	0,69
	Impcntr	0,75	0,82	0,79	0,77
3	Impsafe	0,49	0,59	0,57	0,51

	Ipeqopt	0,69	0,74	0,59	0,73
	Ipudrst	0,49	0,48	0,52	0,56
	Cumulative var	0,57	0,62	0,53	0,56

Примечания: значения в ячейках – факторные нагрузки.

Результаты анализа демонстрируют, что в случае Чехии наиболее весомым оказывался второй фактор, описывающий **отношение местного населения к приезду мигрантов** (в случае России и Венгрии наибольшей силой обладал Фактор 1).

Что касается первого фактора, то туда входят переменные, которые описывают **восприятие населением влияния мигрантов на разные сферы**. Стоит отметить, что наибольшее значение в этом факторе во всех волнах имеет именно оценка влияния приезжих на культурную сферу (imueclt), а самая низкая величина коррелирования с фактором – влияние приезжих на государство (imwbcnt). Немного большее значение имеет переменная, говорящая об оценке влияния мигрантов на экономику (imbgeco).

Третий фактор состоит из показателей **индивидуальных ценностей и взглядов** опрашиваемых. Наибольшее значение в этой группе имеет переменная об отношении к равным возможностям (ipeqopt). Как правило, переменная о важности проживания в безопасном месте (impsafe) имеет большее значение, чем показатель понимания других людей (ipudrst). Таким образом, влияние мигрантов на культуру играет важную роль в формировании отношения к мигрантам в Чехии. К этому также добавляется этническая принадлежность и страна происхождения мигранта.

В случае Чехии можно утверждать о том, что влияние мигрантов на культуру играет важную роль в процессе формирования того или иного отношения. На протяжении всех 4 волн опроса этот показатель был самым значительным. В то же самое время влияние мигрантов на страну и экономику имеет второстепенное значение в этом процессе. Кроме того, постоянным остается воздействие переменной, связанной с отношением к приезду иноэтничных мигрантов. В случае Чехии так же, как в России и Венгрии, переменные, относящиеся к индивидуальным ценностям и взглядам, не имели важного значения в объяснении отношения к мигрантам.

Конфирматорный факторный анализ

Если EFA позволяет лишь проверить установление связей между переменными в предполагаемые факторы, то CFA дает возможность как подтвердить значимость данных факторов, так и проследить динамику изменений интересующих нас параметров за весь период наблюдений. Нас интересует динамика изменений данных факторов с 2010 по 2016 гг. Кроме того, данный метод позволяет сравнивать страны между собой. Для оценки сходимости моделей мы изучаем индексы подгонки моделей (*fit indices*). Об этом говорят следующие показатели: Comparative Fit Index (CFI), Tucker-Lewis Index (TLI), Root Mean Square Error of Approximation (RMSEA) и Standardized Root Mean Square Residual (SRMR). Что касается первых двух (CFI и TLI), то их идеальные значения должны быть в промежутке между 0,95–1,00. Значения RMSEA и SRMR в идеальном случае должны лежать между 0,05–0 (Brown, 2014). Общий дизайн модели показан на рис. 1; каждый раз оценивается значимость и размер факторных нагрузок. Для каждой страны мы объединяем все волны вместе, добавляя переменную “essground”, которая позволит группировать результаты по каждой из волн. В этой модели мы проверяем значимость скалярной измерительной инвариантности, что позволяет нам (при условии значимости модели) сравнивать между собой значения факторов по каждой из волн. При этом точкой отсчета является волна 2010 г., которая приравнивается к нулю: мы рассмотрим все факторы отношения к мигрантам в сравнении с их значениями 2010 г. Сами подробные выкладки по моделям (в связи с их огромным размером) помещены в Приложение, ниже будут представлены лишь краткие характеристики качества подгонки моделей и таблицы сравнения факторов по волнам.

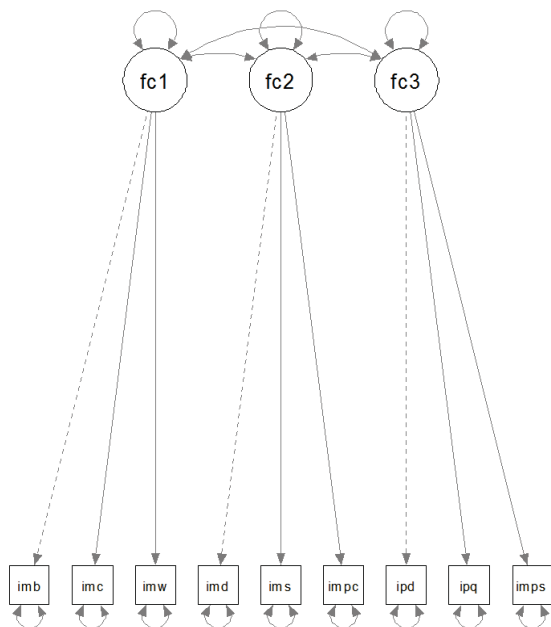

Рис. 1. Примечание: fc1 – Фактор 1, fc2 – Фактор 2, fc3 – Фактор 3. “Imb” – imbgeco, “Imc” – imueclt, “imw” – imwbent, “imd” – imdfent, “ims” – imsmetn, “impc” – impcntr, “ipd” – ipudrst, “ipq” – ipreqopt, “imps” – impsafe

Россия. Показатели подгонки качества в случае России довольно хороши.

Таблица 4

Изменение факторов в России

Фактор	2010	2012	2014	2016
1 (отношение к влиянию мигрантов на разные сферы)	0	- 0,137	0,113	-0,128
2 (отношение к приезду мигрантов)	0	0,165	0,148	0,197
3 (индивидуальные ценности и взгляды)	0	0,052	0,079	0,255

Источник: см. Приложение. CFI – 0,978, TLI - 0,976, RMSEA – 0,042; SRMR - 0,036

Как в России изменялись факторы отношения к мигрантам? Результаты анализа показывают, что к 2016 г. отношение к мигрантам стало хуже, чем было в 2010 г. Об этом говорят показатели фактора 1 и 2. Стоит отметить, что если значения второго фактора увеличиваются, это означает рост негативного отношения. Единственным позитивным моментом можно считать 2014 г. Там восприятие мигрантов стало немного положительнее. Особенно это видно в факторе, который отражает отношение россиян к влиянию мигрантов на культуру, экономику и государство как место для жизни. Объясняется такой скачок тем, что российские власти к этому времени начали осуществлять относительно промигрантский политический курс. Другая причина - события на Украине, откуда чуть позже приехали огромное количество беженцев на территорию России.

Чехия. Оценки качества подгонки модели CFA в случае Чехии показывают, что данная модель в целом соответствует требуемым критериям (см. табл. 5).

Изменение факторов в Чехии

Фактор	2010	2012	2014	2016
1 (отношение к влиянию мигрантов на разные сферы)	0	0,161	-0,221	-0,367
2 (отношение к приезду мигрантов)	0	0,005*	0,142	0,239
3 (индивидуальные ценности и взгляды)	0	0,027*	0,100	0,185

Источник: см. Приложение. Примечание: «*» - значения P-value больше 0,1 CFI – 0,970, TLI - 0,967, RMSEA – 0,050; SRMR - 0,040

Как можно увидеть из таблицы, отношение к мигрантам ухудшилось по сравнению с 2010 г. Хотя в 2012 г. наблюдается небольшой рост положительного восприятия приезжих, этот позитивный тренд не распространился на последующие годы. В 2014 г. мы видим значительное ухудшение отношения к мигрантам, а в 2016 г. оно стало еще более ярко выраженным. Почему? Во-первых, на парламентских выборах в 2013 г. правые партии смогли обратить внимание избирателей на себя и свою программу. Во-вторых, к 2014 г. проблема миграции начала активно политизироваться.

Венгрия. Оценки качества подгонки модели в случае Венгрии показывают, что они несколько хуже, но все же в рамках минимально приемлемых показателей.

Изменение факторов в Венгрии

Фактор	2010	2012	2014	2016
1 (отношение к влиянию мигрантов на разные сферы)	0	0,196	-0,396	-0,999
2 (отношение к приезду мигрантов)	0	-0,016*	0,140	0,364
3 (индивидуальные ценности и взгляды)	0	-0,009*	0,061	0,142

Источник: см. Приложение. Примечание: «*» - места, где значения P-value больше 0,1. CFI – 0,935, TLI - 0,930, RMSEA – 0,068; SRMR - 0,052

Изменения оценки факторов между волнами в случае Венгрии – самые существенные. Оба фактора, которые показывают уровень отношения к мигрантам, демонстрируют то, что население стало намного хуже воспринимать приезжих после 2012 г. Если в 2012 г. мы видим небольшое улучшение отношения к мигрантам, то с 2014 г. отношение к мигрантам меняется в худшую сторону. Отношение к приезду мигрантов после 2012 г. также резко ухудшилось. Влияние индивидуальных ценностей малозначимое.

Суммируя результаты по трем странам, можно отметить, что во всех рассматриваемых случаях к 2016 г. отношение к мигрантам ухудшилось. Лидером в данном тренде оказывается Венгрия. Её показатели отчетливо демонстрируют наибольший сдвиг в сторону негативного отношения к мигрантам. В Чехии наблюдается не такой большой рост антииммигрантских настроений, хотя и весьма заметный. Из всех трех кейсов Россия предстает как наиболее толерантная к мигрантам страна, пусть и с выраженным негативным трендом. С точки зрения статистики, проведенный анализ показал, что предлагаемая трехфакторная модель оценки отношения к мигрантам – отношение к влиянию мигрантов (1), отношение к приезду мигрантов (2) и индивидуальные ценности (3) - жизнеспособна и значима.

CFA по времени и странам

Далее мы объединяем все наши подвыборки по странам и волнам в единую базу данных и проводим 2 вида CFA анализа: а) с группировкой всех стран по волнам, и б) группировкой всех волн по странам. Потом мы можем сравнить полученные результаты между собой и посмотреть, какие различия сильнее: межстрановые или временные. В первом случае это будет говорить о страновой

«самобытности» в отношении к мигрантам, во втором – о подверженности универсальным политическим трендам.

Анализ отношения к мигрантам с 2010 по 2016 г. Анализ подгонки качества модели для всех стран, с группировкой по раундам, показывает, что качество модели довольно высокое (см. табл. 7). Как и ранее, все значения сравниваются с 2010 г., значение которого приравнивается к нулю.

Таблица 7

Изменение факторов

Фактор	2010	2012	2014	2016
1 (отношение к влиянию мигрантов на разные сферы)	0	0,078	-0,115	-0,417
2 (отношение к приезду мигрантов)	0	0,068	0,141	0,260
3 (индивидуальные ценности и взгляды)	0	0,003*	0,071	0,197

Источник: см. Приложение. Примечание: «*» - значения P-value больше 0,1. CFI – 0,968, TLI - 0,965, RMSEA – 0,049; SRMR - 0,037

Таблица 7 демонстрирует, что в 2012 г. во всех трех странах можно было увидеть более позитивное отношение населения к влиянию мигрантов на разные сферы по сравнению с 2010 г. Однако, после 2012 г., наблюдается резкое снижение. Это верно и в отношении негативного восприятия воздействия мигрантов на культуру, экономику и принимающую страну в целом. Это же в целом верно и в отношении к въезду разного рода мигрантов: люди с 2010 по 2016 гг. стали более негативно относиться к прибытию приезжих. Индивидуальные ценности (Фактор 3) почти никак не влияют на этот процесс. Наличие значимых результатов Сходство по странам достаточно велико.

Анализ отношения к мигрантам по странам. Оценка подгонки качества модели с группировкой по странам говорит, что эта модель – одна из худших, хоть и в пределах допустимого. Уже это обстоятельство позволяет сделать вывод, что исследуемые страны можно рассматривать в качестве макрорегиона, т. е. различия по странам менее значимы и важны, чем различия во времени. Во всех странах имели место схожие процессы, которые зависели от мировой политической конъюнктуры.

Нулевой отметкой для сравнения выступает Россия (см. табл. 8).

Таблица 8

Сравнение факторов трех рассматриваемых стран

Фактор	Россия	Венгрия	Чехия
1 (отношение к влиянию мигрантов на разные сферы)	0	0,495	0,250
2 (отношение к приезду мигрантов)	0	0,344	0,196
3 (индивидуальные ценности и взгляды)	0	-0,258	0,100

Источник: Приложение. CFI – 0,924, TLI - 0,915, RMSEA – 0,079; SRMR - 0,051

Таблица 8 демонстрирует, что население Венгрии и Чехии наиболее позитивно смотрит на влияние, оказываемое мигрантами на экономику, культуру, страну. Однако полученные результаты также говорят о том, что опрашиваемые из двух восточно-европейских стран более негативно относятся к приезду разного рода мигрантов. Наиболее радикальную позицию занимает Венгрия. Однако нельзя говорить о том, что население какой-то страны показывает наихудшее отношение к мигрантам. Данные не позволяют утверждать, что одна из стран имеет ярко выраженный профиль.

Данный анализ показывает, что все три страны можно рассматривать как один макрорегион: имеют место схожие процессы, которые зависят от того, что происходит на международной арене. В связи с этим также можно утверждать, что эффект страны имел меньшее значение в складывании определенного отношения к мигрантам.

Заключение

Мы показали, что во всех странах – России, Чехии и Венгрии – наблюдался схожий тренд: к 2016 г. отношение местного населения к мигрантам стало намного хуже, чем в 2010 г.

В России сложилась достаточно интересная ситуация: отношение россиян к мигрантам нестабильно, хотя и с тенденцией к ухудшению. Это отчасти не состыкуется с политическим курсом российских властей, который был с 2010 до конца 2013 г. направлен против мигрантов, но с 2014 по 2016 гг. стал к ним несколько более лояльным. В этот же период времени Кремль начал борьбу с антимигрантскими, националистическими организациями. Однако данные опросов показывают, что отношение россиян к мигрантам все же ухудшилось. Среди факторов мы подчеркиваем восприятие воздействия мигрантов на культуру и государство, с меньшей значимостью экономики.

В Чехии наблюдалось ухудшение отношения к мигрантам с 2014 г. В 2012 г. отрицательное восприятие мигрантов достигло самого высокого уровня, что можно объяснить снижением притока мигрантов, преодолением последствий экономического кризиса. Кроме того, политические акторы не политизировали данную проблему до 2014 г. Основными факторами формирования отношения к мигрантам являлись влияние последних на культуру, этничность и страна происхождения.

Случай Венгрии также показывает ухудшение отношения к мигрантам к 2016 г., в самом радикальном виде. В 2012 г. случился своего рода подъем позитивного восприятия приезжающих, который можно объяснить благоприятной экономической конъюнктурой. С началом миграционного кризиса в Европе в 2014 г. ситуация радикально меняется, а к 2016 г. показатели Венгрии оказываются наихудшими. Очень сильное влияние на этот процесс оказали действия властей и политических акторов, которые заняли крайнюю антииммигрантскую позицию. Наш анализ показал, что из факторов отношения к мигрантам важную роль играло восприятие влияния мигрантов на экономику и государство. Культурная составляющая занимала менее значимое место в этом процессе.

Мы считаем, что Россия, Венгрия и Чехия принадлежат одному макрорегиону. Все три страны схожим образом реагировали на изменение миграционной ситуации. Анализ показал, что эффект времени более важен, чем эффект страны. Это предполагает, что проявляются схожие тенденции, вызванные международной средой. Это еще одно свидетельство того, что Россия и ее политические процессы еще во многом довольно схожи с аналогичными процессами в странах ВЕ, в силу различных фундаментальных причин, во многом связанных с коммунистическим наследием. Это еще одно свидетельство того, что уникальность и изолированность российской политики и российского общества часто слишком переоцениваются.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: грант №19-18-00446 «Социальные основания "консервативного поворота" в европейской и российской политике (на материалах Всемирного исследования ценностей)».

Библиографический список

- Blumer, H. (1958) 'Race prejudice as a sense of group position', *Pacific Sociological Review*, 1 (1), pp. 3–7.
- Bourhis, R. Y., Moise, L. C., Perreault, S., Senecal, S. (1997) 'Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach', *International Journal of Psychology*, 32 (6), pp. 369–386.
- Brown, T. A. (2014) *Confirmatory factor analysis for applied research*. Guilford Publications.
- Brozova, K., Jureckova, A., Pacovska, A. (2018) The wages of fear: Attitudes towards refugees and migrants in Czech Republic. Foundation Institute of Public Affairs.
- Ceobanu, A. M., Escandell, X. (2010), 'Comparative analyses of public attitudes toward immi-
- Mayda, A. M. (2006) 'Who is against immigration? A cross-country investigation of individual attitudes toward immigrants', *The review of Economics and Statistics*, 88 (3), pp. 510–530.
- Naumann, E., Stoetzer, L. F., Pietrantuono, G. (2018) 'Attitudes towards highly skilled and low-skilled immigration in Europe: A survey experiment in 15 European countries', *European Journal of Political Research*, 57 (4), pp. 1009–1030.
- Pettigrew, T. F., Tropp, L. R. (2008) 'How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators', *European Journal of Social Psychology*, 38 (6), pp. 922–934.

- grants and immigration using multinational survey data: A review of theories and research', *Annual Review of Sociology*, 36, pp. 309–328.
- Culik, J. (2017) 'Why is the Czech Republic so hostile to Muslims and refugees?', *Europe Now*, pp. 1–9.
- Damelang, A., Haas, A. (2012) 'The benefits of migration: cultural diversity and labour market success', *European Societies*, 14 (3), pp. 362–392.
- Grigoryan, L. K. (2016) 'National identity and anti-immigrant attitudes: The case of Russia' in: *Dynamics of National Identity*. Routledge, pp. 206–228.
- Hagendoorn, L. (1993) 'Ethnic categorization and outgroup exclusion: Cultural values and social stereotypes in the construction of ethnic hierarchies', *Ethnic and Racial Studies*, 16 (1), pp. 26–51.
- Juhász, A., Hunyadi, B., Zgut, E. (2015) Focus on Hungary: Refugees, asylum and migration. Heinrich-Böll-Stiftung.
- Kušniráková, T. (2014) 'Is there an integration policy being formed in Czechia?', *Identities*, 21 (6), pp. 738–754.
- Laine, V. (2015) Managed nationalism: Contemporary Russian nationalistic movements and their relationship to the government. Finnish Institute of International Affairs.
- Marx, P., Naumann, E. (2018) 'Do right-wing parties foster welfare chauvinistic attitudes? A longitudinal study of the 2015 'refugee crisis' in Germany', *Electoral Studies*, 52, pp. 111–116.
- Massey, D. S. (1999) 'International migration at the dawn of the twenty-first century: The role of the state', *Population and Development Review*, 25 (2), pp. 303–322.
- Pickel, G. (2019) Nationalism and Perceptions of Threat—Ethnocentrism or Just a Lack of Contact? Islamophobia in Eastern Europe from a Comparative Perspective.
- Ponomarenkov, V. A., Cherevichenko, T. S., Efremova, E. A., Bordakova, A. G., Azarkhin, A. V. (2017) 'Migration Processes in the Legal Life of Society' in: International conference on Humans as an Object of Study by Modern Science, pp. 234–240.
- Rydgren, J. (2007) 'The sociology of the radical right', *Annual Review of Sociology*, 33, pp. 241–262.
- Schneider, S. L. (2008) 'Anti-immigrant attitudes in Europe: Outgroup size and perceived ethnic threat', *European Sociological Review*, 24 (1), pp. 53–67.
- Snellman, A., Ekehammar, B. (2005) 'Ethnic hierarchies, ethnic prejudice, and social dominance orientation', *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 15 (2), pp. 83–94.
- Song, S. (2018) 'Political theories of migration', *Annual Review of Political Science*, 21, pp. 385–402.
- Szalai, A., Göbl, G. (2015) Securitizing migration in contemporary Hungary. CEU Center for EU Enlargement Studies Working Paper.
- Verkhovsky, A. (ed.) (2015) 'The Ultra-Right Movement under Pressure: Xenophobia and Radical Nationalism in Russia, and Efforts to Counteract Them in 2015', SOVA Center for information and analysis [online]. Available at: <http://www.sova-center.ru/en/xenophobia/reports-analy/2016/04/d34247/> (Accessed: 4 April 2019).

Информация об авторах

Щербак Андрей Николаевич – кандидат политических наук, заместитель заведующего Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), руководитель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург. E-mail: ascherbak@hse.ru (ORCID: 0000-0003-1756-1122. ResearcherID: I-3495-2015).

Тряпкин Никита Сергеевич – студент-магистрант НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург. E-mail: nstryapkin@edu.hse.ru (ORCID: 0000-0003-3841-5263. ResearcherID: AAD-1716-2019).

Статья принята к печати: 15.10.2019

**DYNAMICS OF ATTITUDES TOWARDS MIGRANTS IN RUSSIA AND EASTERN EUROPE
IN 2010–2016: ACCORDING TO CROSS-COUNTRY SURVEYS**

A. N. Scherbak

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg

N. S. Tryapkin

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg

Abstract

The study aims to explore changes in the attitude of the local population towards migrants in Russia and Central and Eastern Europe (the Czech Republic and Hungary) from 2010 to 2016. European countries experienced the refugee crisis in 2015, while Russia hosted many migrants from Eastern Ukraine in the aftermath of the Crimean crisis. These events shaped the attitudes towards migrants in the region, despite the Russian government's ban on anti-migration organizations after 2014. In addition, the paper explores the factors that might have influenced the formation of anti-migrant perceptions. Using the European Social Survey data (2010-2016 waves), the authors conduct an exploratory factor analysis and a confirmatory factor analysis. As a result, they find that the local population began to perceive migrants in a more negative way. The authors explain this shift both by economic and non-economic factors, depending on the case. Moreover, using the confirmatory factor analysis, they conclude that Russia, Hungary and the Czech Republic can be considered as one large macro-region where similar processes occur.

Keywords: migrations; Russia; Eastern Europe; factor analysis; European Social Survey.